

ОН РАЗРУШИЛ ЕЕ МИР, ЧТОБЫ
СТАТЬ ЕЕ ЕДИНСТВЕННОЙ ВСЕЛЕННОЙ

БЕЗУПРЕЧНАЯ
Месть

DARK ROMANCE

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КРИСТИНА ЦАБУР

18+

Кристина Цабур

Безупречная месть

<https://litres.ru/73876709>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, от ненависти до любви — один шаг. В нашем случае между нами лужа крови, двадцать миллионов долларов картеля и идеально спланированная ложь.

Парень, которого я любила, хладнокровно предал меня, оставив под прицелом безжалостного синдиката. Авария, в которой погибла моя сестра, оказалась спланированным убийством. А человек, виновный в ее гибели — влиятельный сенатор, который хочет моей смерти.

Единственный, кто стоит между мной и пулей — Кайлер Торнтон. Местный бог Блэквудского университета, наследник миллиардной империи и психопат, который ради меня готов сжечь все дотла.

Вы думаете, это сказка о том, как чудовище похитил принцессу? Нет. Это история о том, как чудовище слишком поздно понял, что впустил в дом настоящую Королеву преисподней.

БЕСТСЕЛЛЕР, КОТОРЫЙ РАЗОБЬЕТ ВАМ СЕРДЦЕ И ЗАСТАВИТ ПРОСИТЬ ЕЩЕ!

#Осторожно: Книга вызывает сильнейшее привыкание. Начиная читать, убедитесь, что у вас есть свободная ночь. Вы не сможете остановиться, пока не перевернете последнюю страницу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Безупречная месть

Глава 1

Существуют три негласных правила выживания в Блэквудском университете, и я умудрилась нарушить их все за первые сорок минут своего пребывания на этой проклятой вечеринке.

Правило первое: *никогда не привлекай к себе внимание, если ты новенькая с багажом тайн, который тяжелее, чем весь твой гардероб.*

Правило второе: *держись подальше от элиты кампуса – парней, чьи банковские счета соревнуются в размерах лишь с их эго.*

И правило третье, выжженное на подкорке каждой студентки: *ни при каких обстоятельствах не заходи на второй этаж братства «Безымянного Креста», если тебя туда не пригласил лично Кайлер Торнтон.*

Местный бог Блэквудского университета. Человек, чье имя здесь произносили либо с благоговейным придыханием, либо озираясь от страха. Я не знала Торнтона в лицо, и мне было плевать.

Прямо сейчас я отчаянно, до дрожи в руках нуждалась в тишине. Мне нужно было место, чтобы спрятаться и унять паническую атаку, которая уже подкатывала к горлу. Она на-

крыла меня темной удушливой волной, выбивая воздух из легких и воскрешая в памяти то, что я так пыталась забыть: едкий запах жженой резины, раскаленного металла и воспоминания, от которых меня до сих пор выворачивало наизнанку.

Я захлопнула за собой тяжелую дубовую дверь чужой спальни, отрезая пульсирующие басы нижнего этажа. Прижавшись спиной к гладкому дереву, я судорожно втягивала прохладный воздух, пытаюсь успокоить дыхание.

Комната была погружена в полумрак. Лишь свет неоновой вывески с улицы пробивался сквозь окно, отбрасывая на темные стены кроваво-красные блики. В воздухе смешались дорогая кожа, сандал и холодная, острая нота, похожая на первое предупреждение грядущей бури.

Я закрыла глаза и начала считать до десяти, пытаюсь убедить колотящееся сердце, что я в безопасности. Что прошлое осталось за тысячу миль отсюда, похороненное в безымянной могиле штата Огайо вместе с той девочкой, которой я больше не могла быть.

Но стоило мне сделать глубокий вдох, как из кресла в самом темном углу комнаты донесся короткий сухой звук, от которого кровь застыла в жилах. Щелчок зажигалки Zippo.

Вспыхнувшее пламя на секунду выхватило из темноты резкие, точеные черты лица, легкую тень щетины, глубокий шрам, пересекающий бровь, и глаза настолько черные и пустые, что в них можно было похоронить все мои секреты.

Он сидел развалившись в кресле, широко расставив ноги, в черной футболке, туго обтягивающей широкие плечи, и наблюдал за мной с пугающе хищным спокойствием.

– Либо у тебя проблемы со зрением, либо инстинкт самосохранения атрофирован с рождения, – его голос оказался низким, с легкой хрипотцой, которая царапала кожу, как наждачная бумага.

Он затянулся сигаретой, и красный огонек осветил его жесткую, отточенную до совершенства усмешку.

– Стучишься ты так же плохо, как и читаешь таблички на дверях, мышка.

– Ты всегда так разговариваешь с девушками или сегодня особенно стараешься произвести впечатление подонка?

Его усмешка стала шире, но в глазах не появилось ни капли веселья.

– Осторожнее. У тебя слишком смелый рот для человека, который забрел не туда.

– А у тебя слишком большое самомнение для парня, который сидит в темноте и пугает первокурсниц дешевыми фразами.

Моя защитная реакция всегда срабатывала быстрее здравого смысла. Я выпрямилась, одергивая край своей слишком простой для этого места джинсовой куртки, и встретила его взгляд, отказываясь отводить глаза.

– Я просто искала ванную. Судя по атмосфере склепа, ошиблась дверью. Наслаждайся своим тронem.

Я потянулась к ручке двери, но не успела даже коснуться холодного металла. Он оказался рядом с пугающей, почти неестественной для его габаритов скоростью. Тяжелая ладонь, унизанная серебряными кольцами, опустилась на деревянную панель прямо над моим плечом и с глухим стуком отрезала путь к отступлению. От него исходил жар разогретого тела и тот самый морозный запах мяты, дыма и опасности. Я оказалась зажата между дверью и горой мышц, источающей настоящую угрозу.

– Ты никуда не пойдешь, пока я не разрешу, – прошептал он, склонившись так близко, что его губы почти коснулись моего виска. – Ты на моей территории. И ты только что назвала Кайлера Торнтон подонком в его собственной спальне. Скажи мне, новенькая, ты действительно такая смелая, или просто отчаянно хочешь, чтобы тебя сломали?

– Чтобы сломать меня, тебе придется занять очередь, Торнтон, – я вскинула подбородок, чувствуя, как адреналин выжигает последние остатки страха.

Мой взгляд невольно скользнул по его губам, но я тут же заставила себя снова смотреть ему в глаза.

– Поверь, те, кто был до тебя, уже сделали все, что могли. Так что отойди. Ты загораживаешь мне выход.

В его взгляде что-то дрогнуло. Непроницаемая маска скупающего хищника уступила место внезапному, темному интересу. Его пальцы медленно оторвались от двери и, скользнули по моей шее, замирая прямо на пульсирующей венке.

Пульс забился под его большим пальцем как сумасшедшая птица, запертая в клетке. Торнтон хмыкнул, звук завибрировал в его широкой груди, и эта вибрация каким-то немислимым образом передалась мне, оседая тяжестью внизу живота.

Он не давил, не причинял боли, но его прикосновение было пропитано такой абсолютной, подавляющей властью, что у меня пересохло во рту. Серебряный металл его колец контрастировал с обжигающим жаром кожи, и я с ужасом поняла, что мое тело предает меня: вместо того чтобы отшатнуться, я бессознательно подалась навстречу этому разрушительному теплу.

– Твое сердце стучит так, будто сейчас проломит ребра, – протянул Кайлер, скользя взглядом от моих глаз к губам. Его зрачки расширились, почти поглотив радужку. – Можешь сколько угодно делать вид, что не боишься, но тело тебя выдает. Оно умнее твоего языка.

– Оно плохо реагирует на мужчин, которые принимают мой страх за слабость, – выплюнула я, собрав в кулак всю свою жалкую храбрость, и с силой оттолкнула его руку.

К моему удивлению, он позволил это сделать. Кайлер медленно отступил на шаг, пряча руки в карманы черных джинсов, висящих низко на бедрах.

От прежней скуки не осталось и следа. Ее сменил острый, почти болезненный интерес, с каким одержимый ученый разглядывает под стеклом микроскопа смертельно опас-

ный вирус, прекрасно зная, что одна ошибка может стоить ему жизни.

В густом полумраке шрам над его бровью казался глубже и зловеще подчеркивал холодную симметрию лица.

Это была маска павшего ангела. Слишком порочного для рая. И слишком высокомерного, чтобы склониться перед адом.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как пространство между нами искрит от дикого напряжения. Нужно было уходить. Каждая секунда в этой комнате, наедине с парнем, чья аура кричала о проблемах, разрушала мой тщательно выверенный план.

Я приехала в Блэквуд не для того, чтобы играть в опасные игры с богатенькими мальчиками, привыкшими получать все, на что падает их взгляд. Я приехала сюда, чтобы стать призраком: раствориться в толпе, затеряться среди чужих лиц и научиться проходить по коридорам так тихо, будто меня здесь никогда не было.

Я хотела спрятать шрамы под мешковатой одеждой, скрыть дрожь в руках за длинными рукавами и замаскировать панические атаки фальшивой улыбкой, отрепетированной настолько тщательно, что иногда я почти верила в нее сама.

– Ванная в конце коридора, направо, – вдруг произнес он, отворачиваясь от меня и направляясь к массивному столу из красного дерева.

Иллюзия угрозы исчезла так же внезапно, как появилась, оставив после себя только растерянность и странную пустоту под ребрами.

– И совет на будущее, новенькая: если хочешь казаться невидимкой, не пользуйся духами с запахом горького миндаля и вишни. Они слишком въедаются в память.

Я замерла, уже распахнув дверь и впустив в комнату грохот музыки с нижнего этажа. Пальцы сами сжались на ручке так сильно, что костяшки побелели.

Никто не мог знать этот запах. Никто.

Эти духи создала моя младшая сестра. Она делала их только для меня.

После того как рак забрал нашу маму пять лет назад, а отец так и остался для нас лишь прочерком в свидетельстве о рождении, Эбби стала моей единственной семьей. Моим единственным смыслом просыпаться по утрам. Я клялась, что всегда буду ее защищать. Задолго до того, как пьяный ублюдок на пикапе вылетел на встречную полосу и превратил нашу машину в пылающий гроб, а мою жизнь в бесконечный кошмар, из которого я так и не смогла выбраться.

Этот флакон я берегла как святыню. Как последнюю вещь, в которой еще оставалось ее тепло. Я почти никогда не открывала его, боясь однажды вдохнуть пустоту, и только сегодня, перед этой проклятой вечеринкой, позволила себе нанести одну крошечную каплю на запястье.

Я медленно обернулась. Торнтон стоял спиной ко мне,

опираясь руками о стол. В свете неоновой вывески я увидела, как напряглись мышцы на его спине.

– С чего ты взял, что там миндаль и вишня? – мой голос дрогнул, предательски выдавая панику.

Кайлер не спеша повернул голову, глядя на меня через плечо. Его жестокая усмешка исчезла, уступив место расчетливому спокойствию. Он взял со стола плотную желтую папку, небрежно взвесил ее в руке и бросил прямо передо мной на ковер. Из нее веером разлетелись фотографии.

Мои фотографии.

Только на них не было студентки первокурсницы Мэйси Уолкер с вытравленными в блонд волосами. На них была темноволосая девушка на больничной койке, кадры искореженного черного седана и вырезка из газеты штата Огайо с кричащим заголовком: «*Трагедия на шоссе 90. Выживших нет*».

Воздух резко вышибло из легких.

Я помнила эту статью. Слишком хорошо.

Детектив Харрис показал ее мне прямо в палате, когда я едва пришла в себя. В тот день он вложил мне в руки рюкзак сестры, и сказал:

– В официальных отчетах ты мертва, девочка, и это единственная причина, по которой ты все еще дышишь. Человек, устроивший аварию, слишком влиятелен, чтобы оставлять после себя свидетелей. Если хочешь жить, уходи сегодня же ночью. Смени имя и исчезни так, будто тебя никогда

не существовало.

Я сбежала, будучи уверенной, что спасаю свою жизнь. А теперь Кайлер Торнтон стоял передо мной и с пугающей улыбкой показывал мне ту же самую вырезку.

– Потому что я знаю о тебе все, Хэйзел, – тихо произнес Кайлер Торнтон, назвав имя, которое я похоронила полгода назад вместе со своей сестрой.

Он шагнул ко мне, его черные глаза смотрели с безжалостной пронизательностью.

– Я знаю, от кого ты бежишь. Знаю, чьи деньги ты украла, чтобы купить новую личность. И знаю, что человек, убивший твою сестру... мой отец. Добро пожаловать в Блэквуд.

Глава 2

Слова ударили меня наотмашь, дробя кости и вышибая из легких остатки кислорода. Воздух в комнате внезапно стал густым, как раскаленная смола, залепляя ноздри и царапая горло.

Хэйзел.

Имя, которое я месяцами отчаянно выжигала кислотой из собственной памяти, прозвучало из его уст сокрушительным ударом, разбивший мою новую реальность вдребезги.

Его отец...

Воздух в легких мгновенно превратился в стекло. Сознание отказывалось складывать эти несовместимые слова в смысл, выдавая системную ошибку. Я неотрывно смотрела на глянцевые прямоугольники фотографий, рассыпанные по ковру. Но вместо лиц, бумажных дат и застывших чужих доказательств перед глазами снова восстал мой личный ад. Острые края искореженного металла, залитого моей кровью... И бледную руку сестры безжизненно свисающую из разбитой машины.

Шум вечеринки за дверью растворился в оглушительном белом гуле, будто весь мир вдруг оказался за толстым стеклом. Колени подломились, и я рухнула на пол, судорожно сгребая снимки дрожащими, ледяными пальцами.

Мне нужно было спрятать их. Уничтожить. Стереть лю-

бые следы.

Затолкать этого монстра обратно в самый дальний шкаф памяти, пока он не выбрался наружу и не сожрал меня заживо.

Кайлер не бросился мне на помощь. Не стал изображать сочувствие или подставлять крепкое мужское плечо, будто в нем вдруг проснулось что-то человеческое. Он просто возвышался надо мной и смотрел на мою съежившуюся фигуру так, словно был не свидетелем моего падения, а приговором, который наконец дождался исполнения.

– Ты лжешь, – мой голос надломился и превратился в жалкий, прерывистый хрип.

Я вскинула на него глаза, полные слез, и возненавидела себя за эту слабость так остро, что почти почувствовала ее вкус на языке.

– Пьяный водитель... Ричард Уоллес. Он в тюрьме. У него нет...

– Денег и связей, чтобы откупиться? – перебил Торнтон.
– Верно. Зато у него есть влиятельные родственники.

Он опустился передо мной на корточки одним хищным движением и безжалостно вырвал из моих побелевших пальцев смятую газетную вырезку.

– Уоллес – девичья фамилия моей матери. Ричард – мой дядя. А старик – сенатор Винсент Торнтон. В ту ночь он возвращался с закрытого приема, накачанный элитным виски и порошком до состояния, в котором уже не отличают дорогу

от обочины. Он убил твою сестру, Хэйзел. А потом купил себе свободу, отправив за решетку моего дядю.

– Нет, нет...

Он подался ближе, и его голос стал опаснее.

– За десять минут до того, как на трассу примчались копы с мигалками, за руль посадили Ричарда. Верного цепного пса, который за нужную сумму был готов взять на себя чужую кровь и сгнить за решеткой.

Меня чуть не затошнило. Едкая желчь подступила к горлу, перед глазами поплыли черные точки, и на несколько минут в комнате стало нечем дышать.

Сенатор Торнтон.

Человек, чье лицо смотрело с каждого второго предвыборного билборда в штате. Человек, который с экранов вещал о семейных ценностях, ответственности и безопасности на дорогах. Человек с безупречной улыбкой, идеально выглаженным костюмом и кровью моей сестры на руках. Ублюдок, который уничтожил все, что я любила, а наутро снова улыбался с экрана телевизоров.

– Зачем ты мне это говоришь? – выплюнула я, отшатываясь назад, пока спина не ударилась о дверь.

Я вцепилась ногтями в собственные колени, пытаюсь унять крупную дрожь, но тело все равно предавало меня, сотрясаясь от страха и злости.

– Чего ты хочешь, Торнтон? Шантажировать меня? Сдать тем людям, чьи деньги я украла?

Кайлер подался вперед, сокращая расстояние между нами. Он оказался так близко, что я уловила золотистые крапинки, вспыхнувшие в глубине его бездонных, почти мертвых глаз. В них не было ни жалости, ни сочувствия, ни даже человеческого сожаления. Только холодный, дьявольский расчет и что-то еще: темное, голодное, собственническое, от чего кожа на руках покрылась мурашками.

– Если бы я хотел сдать тебя, мышка, ты бы уже лежала на дне Гудзона с пробитой головой, – его голос опустился до бархатного, вибрирующего шепота. – Те ублюдки, у которых ты увела полмиллиона, не уличная шпана, которых можно напугать полицией. Это картель «Кровавый клинок».

Он наклонился ближе, чтобы я услышала каждое следующее слово.

– И они уже идут по твоему следу. Знают, что ты жива. Знают, где искать. И когда найдут, смерть покажется тебе самой милосердной частью их плана.

Кайлер протянул ко мне руку, и его горячие пальцы крепко обхватили мой подбородок, вынуждая поднять лицо. Мне пришлось смотреть прямо в его глаза, в самую сердцевину той тьмы, которую он даже не пытался скрыть.

– Я хочу уничтожить своего отца, Хэйзел, – произнес он с пугающей, почти маниакальной нежностью. – Стереть его политическую империю с лица земли. Раздавить все, что он строил годами: фамилию, репутацию, связи, деньги, власть. Заставить его захлебнуться собственной кровью и потерять

все. И ты мой главный козырь. Единственная выжившая свидетельница аварии, чьи показания он не смог купить только потому, что считал мертвой.

Большой палец Кайлера медленно скользнул по моей нижней губе, отчего у меня перехватило дыхание.

– Сделка простая. Ты становишься моей собственностью. Переезжаешь ко мне, спишь в моей постели, и играешь роль моей одержимости на публике, чтобы каждый ублюдок из картеля даже не подумал к тебе приблизиться. А взамен... я помогу тебе отомстить человеку, который убил твою сестру.

– Твоей собственностью? – слова сорвались с моих губ ядовитым, злым шепотом.

Я с силой ударила по его руке, отбрасывая от своего лица, и попыталась подняться, но Кайлер лишь едва заметно сместил вес, безжалостно перекрывая мне путь.

– Пошел к черту, Торнтон! Я лучше сыграю в русскую рулетку с картелем, чем стану твоей ручной шлюхой для мести. Ты такой же больной ублюдок, как твой отец, если хоть на секунду подумал, что я на это соглашусь.

Кайлер не разозлился. Нет, он просто рассмеялся. Это был тихий, вибрирующий звук, от которого по моей спине побежали мурашки.

Он поднялся в полный рост, слишком спокойный и уверенный для человека, которого только что послали к черту. Несколько секунд он смотрел на меня сверху вниз, а затем сунул руку в карман джинсов и достал телефон. Не произне-

ся ни слова, Кайлер разблокировал экран и бросил мобильник мне на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.